

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-9-2.15>

Надыршина Лейсан Радифовна, Ганиева Айгуль Фирдинатовна

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ МОТИВЫ В ТАТАРСКИХ ПОЭМАХ НАЧАЛА XX ВЕКА

В статье выявляются экзистенциальные мотивно-образные комплексы в татарских поэмах начала XX века. Основное внимание акцентируется на анализе экзистенциальных мотивов как на уровне поэтики, так и на содержательном уровне на материале лиро-эпических произведений Ф. Бурнаша, Н. Исанбета, С. Сунчелея, Б. Мирзанова и Ф. Ибрагимова, в творчестве которых обнаруживаются характерные для экзистенциального сознания представления о конечности бытия, бренности человеческой жизни. Сделан вывод о том, что экзистенциальные мотивы (смерть, сон, одиночество, бренность и конечность бытия и др.) в татарской поэзии обретают национальное звучание.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/9-2/15.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 9(87). Ч. 2. С. 283-286. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/9-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 82:821.512.145; 82:801.6

Дата поступления рукописи: 28.06.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-9-2.15>

В статье выявляются экзистенциальные мотивно-образные комплексы в татарских поэмах начала XX века. Основное внимание акцентируется на анализе экзистенциальных мотивов как на уровне поэтики, так и на содержательном уровне на материале лиро-эпических произведений Ф. Бурнаша, Н. Исанбета, С. Сунчелея, Б. Мирзанова и Ф. Ибрагимова, в творчестве которых обнаруживаются характерные для экзистенциального сознания представления о конечности бытия, бренности человеческой жизни. Сделан вывод о том, что экзистенциальные мотивы (смерть, сон, одиночество, бренность и конечность бытия и др.) в татарской поэзии обретают национальное звучание.

Ключевые слова и фразы: поэма; татарская поэзия; экзистенциализм; мотив; образ; модернистская парадигма.

Надыршина Лейсан Радифовна, к. филол. н.

Ганиева Айгуль Фирдинатовна, к. филол. н.

Институт языка, литературы и искусства имени Г. Ибрагимова

Академии наук Республики Татарстан, г. Казань

leysan_tatar@mail.ru; aygulgani@mail.ru

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ МОТИВЫ В ТАТАРСКИХ ПОЭМАХ НАЧАЛА XX ВЕКА

Татарская литература вступила в XX век как литература просветительская, эволюционируя от просветительского реализма к критическому реализму и романтизму [8, с. 67]. Чуть позже в татарской словесности возрастает интерес к модернизму. Что касается поэзии, то она в начале XX века характеризуется появлением на литературной арене необычных для татарской словесности художественных явлений, активным поиском новых средств художественной выразительности, усилением символического мышления и созданием нетрадиционных произведений [23, с. 111]. Все это коснулось и лиро-эпических жанров. Если татарская поэма в течение нескольких столетий развивалась в русле романтизма, то в начале XX века, помимо него, в ней переплелись реалистическая и модернистская парадигмы. Становление последней в татарской поэзии начала XX века обнаруживается как на уровне поэтики поэм (мифологизация и демифологизация, обращение к различным архетипам и т.д.), так и в содержании, к чему относится и появление экзистенциальных мотивов в произведениях некоторых татарских поэтов. Актуальность нашего исследования состоит в том, что в современном литературоведении особый интерес представляет проблема взаимодействия различных художественных парадигм. Изучение экзистенциальных мотивов в татарских поэмах начала XX века дает возможность судить о некоторых значительных особенностях литературного процесса в целом.

На сегодняшний день проблема развития жанра поэмы в татарской литературе начала XX века исследована в основном в контексте развития татарской словесности в целом [3; 7; 10; 18; 24] или же в творчестве тех или иных поэтов [3; 5; 6; 10; 20; 22]. Одним из авторов настоящей статьи проведено системное изучение этого жанра, где рассматриваются и экзистенциальные поэмы исследуемого периода [17]. Целью нашей статьи является анализ экзистенциальных мотивов в татарских поэмах начала XX века на уровне содержания и поэтики, выявление основных идей и проблем произведений.

Ключевыми темами и мотивами экзистенциальной литературы являются бытие человека, его обреченность, судьба личности, вера, утрата и обретение смысла жизни, бессилие, одиночество и др., которые находят отражение и в татарских поэмах начала XX века. Глубокие думы о нации, судьбе народа нередко переплетаются с мотивами безысходности, гибели, расплаты за ошибки. Так, в поэмах Ф. Бурнаша, Н. Исанбета, С. Сунчелея, Б. Мирзанова и др. представителей татарской поэзии начала XX века проявляются характерные для экзистенциального сознания представления о конечности бытия, о бренности жизни человека. Например, в поэме Ф. Бурнаша «Коркыт» (1916) основной становится идея неминуемой гибели каждого человека. Главный герой, проживший довольно спокойную, легкомысленную и не обремененную тяжелыми думами жизнь, сталкивается лицом к лицу со смертью, всякая попытка избежать ее заканчивается для него осознанием безысходности своего положения. Цикличность сюжета приводит Коркыта к пониманию основного закона бытия: *Хәзер белдем: котылмак юк үлемнән / Кирәксә, көнбатышка кач, кирәксә, / Йөгер, кач, көнчыгыш якларга яисә / Очалсаң, оч, чумалсаң, чум суларга, / Тугел мөмкин сиңа артык суларга* [1, б. 281]. / *Сейчас узнал: нет спасения от смерти / Если можешь, беги на Запад, / Беги, прячься на Востоке или же / Если можешь, улетай, нырни в глубину вод, / Но лишний вдох все равно не сделать* (здесь и далее подстрочный перевод авторов статьи. – Л. Н., А. Г.). Таким образом, герой поэмы оказывается в пограничной ситуации (в этом случае – перед лицом смерти) и познает сущность бытия: в мире все конечно, человек бессилен перед судьбой, что пересекается с философией фатализма, традиционной для мусульманского мировоззрения.

Экзистенциалисты поднимают проблему невозможной утраты духовного смысла и ценностей в обществе, считают, что «основные состояния бытия человека во враждебном ему мире – это страх, чувство одиночества, муки совести» [19, с. 319]. Подобная тенденция характерна для поэм Н. Исанбета «Качкын» («Беглый», 1916) и «Сукбай» («Бродяга», 1916). В первом произведении основной становится идея бессмыслия бытия человека, автором подчеркивается мысль о том, что человек сам ведет свою жизнь к хаосу. Хронотоп поэмы, задуманный как синтез прошлого и сегодняшнего, представляет читателю периоды эссенции и экзистенции героев.

В поэме «Беглый» период эссенции героя ассоциируется со злом, яростью, он живет в повседневных заботах, без какой-либо цели и стремлений: *Ул электэ, яшь, чибэр чагында, жән кебек көчле иде, / Тешилэре чыккан, котырган юлбарыс төсле иде... / Бер кызу ут очкыныдай, ул йөггерде жьылтыра... / Ул кылыч тоткач та, юлчы бирде ак жән тинтерэп. / Ул шул эшләрден табып там, кайгыны һич белмәде. / Баш кисәргә көн саен тик юл йөрүче эзләде [21, б. 193]. / Раньше он был молодым и красивым, могучим и сильным, / Словно разъяренный тигр... / Он был быстрый, словно огонь... / От его меча погибали путники, / Он наслаждался такими поступками, не знал горя никогда. Теперь все это кануло в Лету. Герой прожил беспцельную, лишённую смысла жизнь, каждый его поступок приносил людям горе и лишения, приводя его к полной деградации. Теперь, перед лицом смерти, он познал бессмысленность и бесполезность своего существования, но слишком поздно для себя: *Инде ул карт, инде ул көчсез, озак тормас, үләр... / Ул үләр!.. Үлгәч аны салкын кабергә кем күмәр?... / Ул үләр!.. Тик кипкән иренен кем юешләр, кеме үбәр?... / Кем ул үлгәч кайгырыр һәм кем ул үлгәч яшь түгәр [Там же, б. 194]? / Теперь он немощный старик, недолго ему осталось... / Он умрет!.. Кто его потом положит в холодную могилу?... / Он умрет!.. Но кто поднесет ему воду на смертном одре, кто поцелует?... / Кто после его смерти будет горевать и оплакивать его? Таким образом, в поэме лейтмотивом проходит идея о трагичности человеческого удела и существования. В этом ключе жизнь героя поэмы пересекается с философской идеей Шопенгауэра, утверждавшего, что «у жизни нет цели вообще, что она – бездумное движение, лишённое цели» [14, с. 31-32]. Образ бродяги раскрыт автором в духе философии одиночества. Как известно, философия экзистенциализма, рассматриваемая как «трагедия одинокого человека», относится к рационализму и силе мысли с большой долей сомнения, а сомнение приводит к безысходности. Причина безысходности – в несовершенности бытия, в ощущении человеком своего ничтожества в масштабах Вселенной, в бессилии перед величием Бога [9, б. 80].**

Мотив надежды как одного из основных составляющих философии экзистенциализма занимает в поэме ключевую позицию: жизнь бродяги прошла в надежде на обретение счастья вдали от родины. В момент катарсиса постаревший герой оплакивает свои несбывшиеся мечты, понимает иллюзорность своего бытия и истинный смысл жизни: счастье – это свобода, родина, семья. Но постигает эту истину он слишком поздно: *Ah, алар үткән, үтөп киткән... Китөп иңгән кояш! / Ул кояш иңгән ягыннан әйләнөп чыкмас, тумас [13, б. 295]! / Ах, все прошло, все прошло... Солнце зашло! / И больше не взойдет!*

Особое значение в поэме имеет символический образ моста, который понимается «как связующий двух границ бытия – жизни и смерти» [20, с. 87]. На уровне поэтики влияние модернизма проявляется и в мифологизме. Так, например, состарившийся бродяга мечтает вернуться в родной дом и поклониться матери, получить ее благословение, и это можно рассматривать как модификацию мифологического мотива о вечном возвращении.

Поэма Н. Исанбета пронизана мотивами безысходности, бессилия, упадка, полна душевных терзаний, которые усугубляются метафорическими образами мертвой тишины, могилы, вечной тьмы и существами низшей мифологии (албасты, убырлы и др.).

В своем философском сочинении «Бытие и небытие» (1943) Ж.-П. Сартр осмыслил жизнь человека как непрерывное бегство от смерти и повседневности. Человек одинок и заброшен в мире. Бог и божественное предопределение человеческой судьбы – сплошная выдумка. А раз так, то человек целиком ответствен за самого себя [19, с. 319]. Эти философские мотивы лежат в основе поэмы «Геләнче» («Нищий», 1917) Г. Шарифи, в которой противопоставляются прошлое и настоящее героя. Некогда могущественный, богатый, властный человек, вершивший судьбы людей, теперь сам брошен на произвол судьбы и вынужден просить милостыню. В отличие от поэм Н. Исанбета, в этом произведении ясно прослеживаются фаталистические мотивы, категория судьбы становится предопределяющей. Уже с первых строк обнаруживается философская мысль о том, что жизнь человека по своей сути противоречива и строится из бинарных понятий счастья и несчастья, надежды и безысходности, могущества и беспомощности: *Бу тәкъдир, һай, бу язмыш... Бәдбәхет... Ул изми кемнәрне?... / Аермый канлы яшьләр түктөрөп кемнәрне бәхетәнән? / Кичә гамьсез, сарайларда тыныч яткан эмирләрне / Бүген тартып ала, айра... Мөлек, тәж һәм дә тәхтәнән [21, б. 395]. / Эта судьба, ах, эта судьба... Негодяйка... Кого только не угнетает?... / Кого только не заставляет лить слезы и лишает счастья? / Вчераших беспечных, проживавших спокойную жизнь в дворцах правителей / Сегодня лишает всего этого: богатства, короны и трона. Таким образом, философия фатализма в поэме тесно переплетается с идеологией ислама, позиция автора основана на экзистенциальном мотиве бессилия перед судьбой, независимо от социального положения.*

В поэме «Сүнгән жан» («Угасшая душа», 1913) С. Сунчелея центральным является мотив смерти. Сюжет поэмы описывает страдания девушки после гибели матери. Образ тишины с самого начала произведения настраивает на трагичность повествования: *Тышта күптән кайгылы ахшам яна, / Өй эче тып-тын, караңгы, куркыныч [Там же, б. 356]. / На улице давно горестный вечер, / Дома тихо, темно и страшно. В этом мрачном окружении мать героини лежит на смертном одре, и уход в мир иной в поэме воспринимается как освобождение от тягот жизни и земных грехов, на что указывает характерная для экзистенциального мировоззрения ассоциация смерть – счастье: *Мин хәзер инде үләр хәлгә эжитәм. / Мин бәхетледер [Там же]... / Скоро я умру. / Я счастлива... Предсмертный бред матери (она видит гибель молодой девушки) становится своеобразной метафорой, указывающей на будущее ее дочери, которая окажется жертвой алчности и жестокости: *Вәхиш ерткычлар – адәмнәр яшь кенә / Кызны азгылык юлына керттеләр. / Алланың сөйгән-яраткан кечкенә / Мәхлугын тереләй тамузка төрттеләр. <...> Ул хәзер инде үлек; юк ак көне [Там же, б. 357]. / Молодые люди – жестокие изверги / Растлили девушку. / И беспомощную рабу божью / При жизни бросили в ад.***

По мнению автора, обществу чужды сострадание, милосердие, доброта, людей окружает глухая стена безразличия. Композиционное строение поэмы усиливает идею, с помощью повтора автор дает оценку всему обществу в целом и поднимает мотив отчуждения: человечеству, равнодушному к смерти женщины, безразлична и судьба девушки. Ключевой мотив экзистенциализма – мотив жизни и смерти – своеобразно трактуется автором: в образе матери смерть воспринимается как спасение, в то время как жизнь девушки подобна смерти из-за бездушности и бессердечности окружающих.

Такие же мотивы встречаются и в поэме Б. Мирзанова «Сулган гөл» («Увядший цветок», 1917). Аллегорическая сюжетная линия произведения связана с образом цветка. Хронотоп поэмы характеризует этапы эссенции и экзистенции бытия: весна – это беззаботная, полная красоты пора, а осень – это уход, гибель. В символической трактовке цветок – это символ красоты, а люди своими руками уничтожают прекрасное, они бездушны и бессердечны. При помощи обобщений автор связывает события поэмы с социальными и национальными мотивами, что заставляет читателя задуматься о судьбе татарских девушек: *Кызлар да бит риза була жәбран, каһран, / Никах белән башын бәйләп итсәк туен* [Там же, б. 262]. / *И девушки ведь соглашаются на угнетение и насилие / Если принудить их к никаху и свадьбе.*

В другой поэме Б. Мирзанова «Әнкәм кабере янында» («У могилы матери», 1916) основными становятся мотивы бессилия перед судьбой, конечности бытия, и единственная отрада для героя – это пронизанные тоской и грустью разговоры у могилы матери. Экзистенциальная тенденция в поэме тесно переплетается с трагедией одинокой личности, мотив одиночества имеет личностный окрас с одной стороны и социальное звучание – с другой. Так, автор рассуждает об одиночестве человека, служащего на благо народа: *Ил кугендә ялгыз йолдыз кебек / Яныйм дисәм, берәз ялтырап. / Янып булмый ачы эңил каһәрәннән / Сүнәр төсле торам калтырап* [15, б. 207]. / *Словно одинокая звезда на небе государства / Хочется гореть, сверкая. / Невозможно гореть, от проклятия ветра / дрожу, чувствуя, что погасну.* Ветер как образ, интерпретируемый в русле философии фатализма [2, с. 340], указывает на бессилие героя перед судьбой. Лейтмотивом проходит идея о том, что лишь надежда дает духовные силы человеку, а смерть интерпретируется как угасание надежды: *Булмас, ахры! Язмыш күрде үксез, / Бетте өмет алда – мин үләм... / Мин үләм, бу кара йөзле дөһьядан / Югалам мәңге, мин сүнәм* [15, б. 207]!!! / *Похоже, не получится! Судьба меня бросила, словно я чужой, / И нет надежды в будущем – я умираю... / Я умираю, из этого мрачного мира / Исчезаю навсегда, я угасаю!!!*

В поэмах Ф. Ибрагимова «Төш» («Сон», 1915) и «Гармун тавышы» («Звук гармонии», 1915) утверждается мысль об абсурдности и бессмысленности бытия. Феномен сна в экзистенциальном понимании рассматривается исследователями как некая проекция смерти и относится к пограничным ситуациям. Во сне сменяются рамки пространства и времени, отсутствует физическое воплощение. Соответственно, происходит переход от «бытия мнимого» (вещественной реальности) к «бытию истинному» [16, с. 15]. В поэме «Сон» сновидение героя (во сне он видит младенца, и этот младенец в мгновение ока превращается в старика) становится точкой оценки, переосмысления жизни, которая осознается как путь между жизнью и смертью [17, с. 16]. В поэме «Гармун тавышы» в переживаниях и жизненной драме персонажей обнаруживаются экзистенциальные мотивы. Первые три героя (потерявший надежду старик Ахмед; вдова, живущая воспоминаниями о былом счастье и без какой-либо надежды вглядывающаяся в будущее; молодая девушка, насильно выданная замуж) экзистенциально переживают собственную драму. В истории последнего героя присутствует не личная драма, автор задумывается о трагизме бытия народа в целом: *Алдына әүвәл килә Чыңгыз бөек, / Аннары беткән Казан калдыклары, / Дөһья тетрәткән бөек дәүләт сүнә, / Ертыла ханның бөек жәраклары* [11, б. 224]. / *Сначала вспоминается великий Чингиз, / Потом руины Казани, / Угасает потрясшее весь мир государство, / Рвутся великие ханские знамена.* В этих строках речь идет уже не только о конце человеческой жизни, а об обреченности всего человечества.

В целом в татарских поэмах начала XX века, созданных в русле философии экзистенциализма, мотивы конечности бытия, скоротечности времени раскрываются при помощи бинарных оппозиций жизни и смерти, надежды и безнадёжности, безысходности, света и тьмы, жизнь воспринимается как короткое мгновение между рождением и смертью. Самой значимой особенностью этих произведений является то, что нередко экзистенциальные мотивы обретают национальное звучание, «особой чертой татарских поэм эпохи является их проникновенность национальным духом, в них поднимается проблема самоопределения, ведется поиск национального идеала» [20, с. 83].

Список источников

1. Бурнаш Ф. Коркыт // Аң. 1916. № 18. Б. 280-281.
2. Быстров В. Н. Идея преображения мира у русских символистов (Д. Мережковский, А. Белый, А. Блок): дисс. ... д. филол. н. СПб., 2004. 361 с.
3. Гайнуллин М. Х. Татарская литература и публицистика начала XX века. Казань: Татар. кн. изд-во, 1983. 352 с.
4. Галиуллин Т. Н. Шәехзаде Бабич – сатира остасы // Галиуллин Т. Н. Дәгъва. Казан: Татар. кит. нәшр., 1995. Б. 246-255.
5. Ганиева Р. К. Романтические мотивы творчества Шаехзаде Бабича // Ганиева Р. К. Татарская литература: традиции, взаимосвязи. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2002. С. 132-135.
6. Ганиева Р. К. Сатирическое творчество Г. Тукая. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1964. 84 с.
7. Госман Х. Шигърият гомере. Казан: Татар. кит. нәшр., 1978. 208 б.
8. Загидуллина Д. Ф. Изменение моделей мира в татарской литературе 1906-1908 годов // Ученые записки Казанского государственного университета. 2005. Т. 147. Кн. 2. С. 66-72.
9. Загидуллина Д. Ф. Дөһья сурәте үзгәру: XX йөз башы татар әдәбиятында фәлсәфи әсәрләр. Казан: Мәгариф, 2006. 191 б.

10. Заһидуллина Д. Ф. Шәехзадә Бабичның ижат юлы: мәғрифәтчелектән шартлы сурәткә таба // Рәмиев С. Л., Бабич Ш. М. Әсәрләр. Казан: Мәғариф, 2005. Б. 159-163.
11. Ибраһимов Ф. Гармун тавышы // Аң. 1915. № 20. Б. 221-224.
12. Ибраһимов Ф. Төш // Аң. 1915. № 17. Б. 291-293.
13. Исәнбәт Н. Сукбай // Аң. 1916. № 19-20. Б. 294-296.
14. Коссақ Е. Экзистенциализм в философии и литературе. М.: Политиздат, 1980. 360 с.
15. Мирзанов Б. Әнкәм кабере янында // Аң. 1916. № 13. Б. 206-207.
16. Надькто О. О. Экзистенциальные мотивы в поэзии Марины Цветаевой: автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 2016. 18 с.
17. Надьршина Л. Р. Татарская поэма начала XX века как художественная система: автореф. дисс. ... к. филол. н. Казань, 2009. 19 с.
18. Нуруллин И. З. XX йөз башы татар әдәбияты. Казан: Татар. кит. нәшр., 1982. 288 б.
19. Основы литературоведения: учебное пособие для студентов педагогических вузов / под общ. ред. В. П. Мещерякова. М.: Дрофа, 2003. 416 с.
20. Хабибуллина Л. Р. Диалектика развития татарской поэмы начала XX века // Ученые записки Казанского государственного университета. 2008. Т. 150. Кн. 8. С. 83-89.
21. Эпик шигърият: XX йөз башы / төз. Ф. З. Яхин. Казан: ТаРИХ, 2002. 462 б.
22. Юсупова Н. М. Мифологические образы и сюжеты в лиро-эпических произведениях начала XX века: роль, функции и художественное значение // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 4 (34). Ч. 2. С. 211-214.
23. Юсупова Н. М. Символизация в татарской поэзии начала XX века // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2014. № 4. С. 111-114.
24. Яхин Ф. З. XX йөз башы эпик шигърият // Эпик шигърият: XX йөз башы / төз. Ф. З. Яхин. Казан, 2002. Б. 5-16.

EXISTENTIAL MOTIVES IN THE TATAR POEMS AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

Nadyrshina Leisan Radifovna, Ph. D. in Philology

Ganieva Aigul' Firdinatovna, Ph. D. in Philology

G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan

leysan_tatar@mail.ru; aygulgani@mail.ru

In the article, the existential motive-figurative complexes in the Tatar poems at the beginning of the XX century are revealed. The main attention is focused on the analysis of existential motives both at the level of poetics, and at the content level by the material of lyric-epic works of F. Burnash, N. İsanbät, S. Sunchelei, B. Mirzanov and F. Ibragimov. In their works typical for existential consciousness ideas of the finitude of being, the temporality of human life can be found. It is concluded that existential motives (death, dream, loneliness, temporality and finitude of being, etc.) in the Tatar poetry acquire the national sound.

Key words and phrases: poem; Tatar poetry; existentialism; motive; image; modernist paradigm.

УДК 821.133.1

Дата поступления рукописи: 07.07.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-9-2.16>

В статье рассматриваются наиболее важные содержательные черты творчества поэтов «Нового погребка» (1806-1817) – объединения «шансонье и гастрономов», представляющего собой заметное явление в литературе Первой империи и ранней Реставрации. Автор анализирует тематику и пафос песен, предпринимает попытку объяснить феномен указанного поэтического содружества с трёх позиций – французской национальной литературной традиции, биографических обстоятельств поэтов-песенников, культурно-исторического контекста. В отечественный научный оборот вводятся тексты М.-А.-М. Дезожье, М. Урри, А. Антиньяка, А. М. Купара.

Ключевые слова и фразы: песенная традиция в поэзии Франции; поэты-шансонье; «лёгкая» поэзия; «Новый погребок»; «эпикурейцы»; Первая империя; Реставрация; М.-А.-М. Дезожье.

Пинковский Виталий Иванович, д. филол. н., доцент

Северо-Восточный государственный университет, г. Магадан

alennart@mail.ru

ПОЭЗИЯ «НОВОГО ПОГРЕБКА» (1806-1817): СОДЕРЖАНИЕ, ПАФОС, МЕСТО В КУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ ЭПОХИ

Песенная поэзия всегда играла заметную роль во французской литературе, хотя на протяжении XVII-XVIII веков песня как неканонический жанр существовала на границе между литературой и фольклором. Многие крупные поэты-классицисты не считали зазорным иногда снизойти до написания песен, чему примером служит главный теоретик классицизма Н. Буало, не обмолвившийся в своём «Поэтическом искусстве» и словом о жанре песни, однако написавший несколько застольных песен в фольклорном духе (*chanson à boire* – букв. «песня под выпивку») [1, p. 126-127].